

ФЕРДИНАНД ВРАНГЕЛЬ

ПУТЕВЫЕ
ЗАПИСКИ

Фердинанд Врангель
Путевые записки

«Public Domain»

1830

Врангель Ф. П.

Путевые записки / Ф. П. Врангель — «Public Domain»,
1830

«Печатаемые здесь записки нашего известного мореплавателя, адмирала, барона Фердинанда Петровича Врангеля, писанные им для своего брата, сохранились в бумагах последнего и обязательно сообщены нам сыном его, бароном Василием Васильевичем Врангелем, которому и приносим за это нашу благодарность...»

Фердинанд Врангель

Путевые записки

Печатаемые здесь записки нашего известного мореплавателя, адмирала, барона Фердинанда Петровича Врангеля, писанные им для своего брата, сохранились в бумагах последнего и обязательно сообщены нам сыном его, бароном Василием Васильевичем Врангелем, которому и приносим за это нашу благодарность.

Барон Фердинанд Петрович Врангель, эстляндец древней фамилии, родился 29-го декабря 1796 года в Пскове и воспитывался в морском кадетском корпусе. В 1817 году, находясь в чине лейтенанта, он был прикомандирован в военной шлюпке «Камчатка», отправлявшейся под начальством Головнина в кругосветное плавание, для осмотра наших северных колоний и Берингова моря. Когда он возвратился в Петербург, ему была поручена новая экспедиция к устью реки Колымы, с целью изучения берегов к востоку от её устья, за Шелагинский мыс. Эта экспедиция продолжалась с 1820 по 1824 год, и Врангель убедился в существовании земли к северу от местечка Якап; она была открыта в 1867 году англичанином Лонгом и названа «Землею Врангеля». Сделанные им физические наблюдения изданы Парротом, а описание путешествия напечатано сперва на немецком языке, а потом на русском, под заглавием «Путешествия к северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенные с 1820-1824 г. экспедицией, состоявшею под начальством Врангеля. 2 части. Спб. 1841». В 1825 году Врангель предпринял второе кругосветное путешествие, из которого возвратился в Петербург в 1827 году. Вскоре после этого, именно в 1830 году, он был назначен правителем наших колоний в Северо-Западной Америке, куда отправился сухим путем с молодою женою (рожденною баронессой Росильон) и четырехнедельным ребенком. Это именно путешествие и описано им в настоящих записках. Врангель прослужил правителем колоний пять лет, произведен в контр-адмиралы, долго заведовал департаментом лесов, принадлежащих морскому министерству, в 1847 году получил чин вице-адмирала, в 1856 году управлял морским министерством, в 1857 году сделался членом государственного совета, а с 1866 года поселился в Дерпте, где и скончался 25-го мая 1870 года.

Для характеристики существовавших недавно у нас порядков, любопытна история, случившаяся с составленным Врангелем описанием его путешествия в Сибирь и к берегам Ледовитого океана в 1820-1824 годах. Он представил рукопись управлявшему тогда морским министерством В. М. Головнину, незадолго до своего отъезда в Северо-Американские колонии. В отсутствие Врангеля, Головнин умер, и рукопись была забыта. В 1839 году, некто Энгельгардт, достал какими-то путями эту рукопись, перевел её, без ведома Врангеля, на немецкий язык и представил перевод знаменитому германскому ученому Карлу Риттеру, который издал его со своим предисловием. Это сочинение возбудило большой интерес на Западе, особенно в Англии, где в том же году было переведено на английский язык женой известного английского путешественника Сабина. Успех книги в Англии был так велик, что чрез несколько месяцев потребовалось второе издание. Тогда уже и у нас вспомнили о рукописи Врангеля, и

председатель ученого комитета морского министерства, адмирал Л. И. Голенищев, поручил Врангелю, находившемуся в то время в Петербурге, заняться изданием его сочинения. Исполняя желание Голенищева, Врангель передал рукопись книгопродавцу Смирдину, которым она и была, наконец, напечатана при содействии Академий Наук, в 1841 году, с рисунками и планами.

Ред.

Двадцать седьмого мая 1830 года, мы выехали из Иркутска, где прожили восемь с половиной месяцев. Не думаю, чтобы на земле отыскался такой жалкий уголок (кроме тюрьмы), где бы можно было прожить три четверти года, не получив некоторой привязанности или привычки к лицам и даже неодушевленным предметам, почему-нибудь памятным. В Иркутске мы испытали гостеприимство и нелицемерное к нам участие; а в семействе Муравьевых обрели истинных друзей, с которыми расстаться было очень грустно. Холодные визиты сделаны были накануне, как жертва, принесенная этикету или ложно называемому приличию, которое не должно бы противиться рассудку и сердцу. Отобедав у Кейдлера на даче, пустились в 4 часа в путь; множество экипажей следовало за нами. Губернаторская фамилия оставила нас на Верхоленской горе (в 4 верстах), откуда в ясную погоду открываются обширные и живописные виды на Иркутск, Ангару и прилежащую цепь гор. На 6-й версте, на так называемый «веселой горе», мы простились с шумно-веселыми провожатыми, которые горевали для того, чтобы затушить печаль и смыть слезы шампанским, а скуку прогнать песнями. О, как бы они желали всю свою жизнь расставаться с приятелями!

Лизанька с 4-х недельным ребенком, Клементина Ивановна (m-me Медведева, дочь Кейдлера) и m-me Fichtner занимали шестиместную карету; я с Медведевым сидели в бричке, Мейер с собакой в кибитке; Кузнецов (правитель иркутской конторы Российско-Американской компании) с 2-мя сыновьями в своем экипаже; а жена его с Анной Андреевной (sage femme) в другом. Для ребенка должны были часто останавливаться, так и чти на ночлег (на 32-й версте) приехали почти в полночь; все передрогли, в особенности жители кареты были весьма утомлены. Наш квартирмейстер Кузнецов весьма благоразумно избрал деревню Оек местом ночного отдыха и занял дом крестьянина Петухова, имеющего в сундуках своих слишком 150 тысяч звонкой монеты. Сытный и вкусный ужин был уже накрыт. Хозяин-мужик, лет 45, наученный и просвещенный лакомыми чиновниками Иркутска, которые весьма чтут и чествуют капиталистов-крестьян, связанных с их благородиями и высокоблагородиями посредством какого-то сильного магнита, изволил сам сесть с нами за стол, а тучная хозяйка его ухаживала за гостями, упрашивая кушать хлеб-соль. Отец этого мужика жил 102 года и был известен умом и деятельностью в молодости; а под старость страстью к голубям; не менее 2000 голубей слетались по свистку старика, садились к нему на голову и плечи. Он сохранил бодрость духа до смерти. Здесь простились с нами Кузнецова и Анна Андреевна. 28-е, после завтрака. На проеханных сегодня 85 верстах мы любовались свежестью природы; меж холмов тянутся обширные равнины (называемые здесь степями), покрытые молодой зеленью, как бархатом, и испещренные стойбищами бурят, богатых скотом и свободой. Старания земского начальства приучить этих полудикарей к хлебопашеству не увенчались желаемым успехом: конечно, одна нужда может заставить человека променять беспечность на трудолюбие – отраву на целебный бальзам. Не первая ли наша благодетельница это хуленая нужда?

29-е. Достигли реки Лены против Кочугской пристани, в 230 верстах от Иркутска. Бедная, грязная деревушка с убогой церковью расположена на противоположном берегу, у которого стоял и наш паузок. В нетерпении полюбоваться ковчегом нашим, о котором насаждали нам по дороге много утешительного мы тотчас же переправились чрез реку, чтобы, как водится горько обмануться в ожиданиях. Каюты оказались низки, холодны, текучи. Я немед-

ленно принялся за переделку: стены обил войлоками, поставил железную печь (нарочно взятую с собой из Иркутска), разместил багаж, провизию, не переставая изливать сильные порывы справедливой досады на виновников неисправностей.

Здесь строятся и нагружаются паузки, баржи и лодки для плавания по Лене, которая, как тебе известно, истекает в 20 верстах от Байкала, в 231 версте отсюда, имеет здесь 30 сажень ширины и до 2½ аршин глубины, а до Ледовитого моря протекает 4002 версты, будучи всюду судоходна. Несмотря на производимое крестьянами судостроение, в домо-водстве их не заметно довольствия: в кабаке исчезают все плоды трудов их, а неопрятные избы остаются представителями нищеты. На вопрос: отчего вы так бедны? голова мне ответил: «тесное место, сударь, лучшие сенокосы заняты бурятами, а нашему скоту негде разгуляться», и при этом показал рукою на обширную равнину, которая могла бы вместить все орды Чингисхана. «Много ли у вас скота?» «Голов 30, сударь». «А велик ли годовой сбор целовальника?» «Тысячь десять рубликов!» «Видно и скот ваш предпочитает вывеску орла чистому полю» заметил я. Винный откуп в Сибири парализирует все другие благотворительные учреждения правительства, пекущегося о водворении устройства и благосостояния в нижнем классе народа: без понятия о нравственности невозможно привить к ним и склонности к трудолюбию, которое, вместе с здоровьем, исчезает в сивухе.

30-го. При теплой, приятной погоде мы отвалили сегодня утром от берега. расставание Лизаньки с Клементиной Ивановной тронуло и меня до слез. Громогласное ура и сердечные желания провожали нас. Поворотясь носом по течению, лоцман и гребцы наши сняли шапки и громко помолились: «Господи помилуй и благослови! Бог нам надобен!» – затем грянули в гребли и быстрое течение унесло нас скоро из виду провожавших нас приятелей. Я не мог без сильного движения в душе взглянуть на жену и ребенка, представляя себе неизвестную будущность, наполненную тьмою опасностей.

Наш паузок извивался меж гористых берегов, покрытых темным лесом; мы не сходили с вершу, развлекая думы и чувства, нас отягчавшие, спокойною, безмятежною величавостью дикой природы: о как утешителен и внятен был её голос!

В 30 верстах от Качуги, на правом берегу реки, лежит Верхоленская деревня, которая обыкновенно снабжает пловцов дорожной провизией, курами, маслом, молоком и пр. Берег покрылся любопытными зрителями, когда мы причалили для удовлетворения наших нужд, и весьма приятно было не видеть здесь ни одной праздной женщины; все они вязали чулки и колпаки и т. п. из шерсти и заячьих волос, предлагая и нам по дешевой цене купить на дорогу. Подобной картины трудолюбия я не видал во всей Сибири и ставлю Верхоленскую деревню в образец, достойный подражания; и за то избы их чисты, огороды обработаны, лес кругом вырублен и все дышет довольством. Вероятно, основатели этой деревни были деятельные, добрые люди.

Лоцман желал остаться здесь на ночь, приводя причиной «опасные впереди места»; но так как мне эти безопасные опасности знакомы и я полагался на пустоту нашего паузка, то велел плыть далее. Ночь прошла без беды.

31-е. В день нашей свадьбы небо казалось мне яснее и погода приятнее обыкновенного. Как богат этот год приключениями! Они, как волшебные картины благотворительного сновидения, мелькают передо мной, вливая в душу отраду, расширяя сердце любовью и незреленною благодарностию к милосердному Подателю благ. Тринадцать месяцев тому назад, находясь в Ревеле, я не смел и мыслить о женитьбе, а теперь плыву по Лене, в самой глуши Сибири, с любезнейшею, добрейшею женою и милым ребенком! Еслибы писателю романа вздумалось завязать свою повесть подобным происшествием, то вероятно завязку назвали бы изысканной и неправдоподобной; читатели возопили бы: «куда он торопится, этот безразсудный муж, жестокосердный отец 4-х недельного дитяти, нелюдимый, бесчувственный родственник? Он шутит жизнью людей и не в состоянии ощущать сладостей семейной

жизни под покровом безмятежного спокойствия, в кругу родных». Подобные жестокия обвинения отражаю безмолвным несогласием; и если потребуются доводы, то должен с Фальстафом провозгласить: if reasons were as plenty as blackberries. I would give no man a reason. Затруднение в том, которою из такого множества причин начать перечень?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.